

От медведя издали разило вонючим диким зверем. Он подошёл вплотную и начал шумно обнюхивать ноги, пояс, рубаху, щекая тёплым дыханием... Долго и обстоятельно обнюхивал низ рубахи, что Баки надоело лежать и гадать — и он открыл глаза. Медведь, закрыв своей огромной тушей всё небо, вынюхивал друидскую вышивку. Потом вдруг низко чихнул, мотнул лобастой башкой и вернулся к поясу — чтобы тут же вцепиться зубами в тушу зайца. Потянув, легко оторвал свою добычу, и... развернулся к лесу, так же неторопливо уходя всё дальше по оврагу в чащу лещины.

Баки медленно вздохнул. Он не верил своим глазам — медведь взял долю добычи и оставил ему жизнь. Он жив. Жив!

Не веря до конца в свою удачу, Баки еле дождался, пока медведь скроется за деревьями. Потом перевернулся на бок и попытался встать, тут же заорав дурниной от прострелившей ногу боли.

Снова упал на спину, глядя в посветлевшее небо с бегущими по нему овечками белых облаков. Грудь ходила от частого дыхания, на лбу проступила испарина — подул ветерок и выхолодил её.

Вот теперь Баки стало по-настоящему страшно. Без ноги он будет несколько дней добираться до поляны — и неизвестно, доберётся первым он, или до него дикое зверьё... Пока он не двигал ногой, всё было терпимо. Но стоило ему попробовать шевельнуть ступнёй — и на глаза навернулись слёзы от резкой, нестерпимой боли.

Это наказание богов за то, что на охоте он думал не о том. Что отвлекался, не был внимателен, замечтался. Он заслужил этот урок. Только как теперь всё исправить? Рубаха и килт на нём все вымокли со спины, холод воды ручья сковывал и убаюкивал. Баки всё же заставил себя извернуться на бок и сесть, перебарывая боль.

Нога под обмотками кожи оказалась распухшей и горячей — или сломал, или вывихнул так сильно, что идти всё одно не сможет. Найти бы сук подходящий, чтобы опираться, может хоть понемногу бы ковылял?

На вершине склона затрещали ветки, и из кустов вывалился Хъялги. Тихо поскуливая и оскальзываясь лапами на влажной земле, он начал спускаться к Баки, точно провинившаяся псина. Кувыркнулся через себя, съехал на зад и, отряхнувшись, принялся заботливо обнюхивать его, топорща шерсть на холке и поджав хвост.

— Ну, защитничек, где же ты был? — невесело хмыкнув, спросил Баки. — Поди, смотрел из кустов, сожрут меня или нет, и достанется ли тебе что-нибудь?

Как бы то ни было, щенок рядом приободрил — Баки стиснул его холку и притянул к себе, прижав ненадолго. Он был мохнатым и тёплым, и хотел вывернуться из-под руки.

— Пойдёшь домой, Хъялги? — спросил волчонка Баки, раздумывая, как же ему поступить. —

Пойдёшь к Стиву? Как же тебя уговорить...

Решившись, Баки подрезал ножом, а потом и оторвал подол рубахи с вышивкой, царапнул бедро чуть выше колена на той же ноге, что повредил — хуже не будет — и вымазал тряпицу в своей крови.

— Иди-ка сюда. Иди. Сиди. Сиди, сказал тебе, — погрозил Баки, и щенок, прижав уши, сел.

Кое-как Баки намотал ему на шею обрывок рубахи и завязал — вышло некрепко, все богам на смех. Но выбирать не из чего.

— Иди домой. Иди. Домой, к Стиву. К Хмаге. Домой. Пошёл, ну, пошёл! — Баки крикнул, прогоняя волчонка от себя, а тот всё крутился на месте, тыкался в ладонь влажным носом. — А ну, пошёл, глупая твоя башка! — Баки чуть ударил его по холке, понимая, что если тот не уйдёт сейчас, сил прогонять у него больше не будет. Одно глухое разочарование и страх, который снова начал подниматься откуда-то изнутри. — Иди же, — прошептал он и, обессиленный, вдруг зло засмеялся. Чего он хотел от глупого маленького звереныша?

Мерзко и холодно было, до зубовного скрежета болела нога, но больше всего глупость случившегося бесила — ведь столько пройдено испытаний, но такая вот мелочь ударила сильнее всего. Утерев мокрое лицо, Баки насупился и понял, что остался у ручья один.

Вздохнув, он ещё раз огляделся. В голове вдруг стало пусто и спокойно, мысли улетели, кроме одной — как добраться до дома. До Стива.

По бедру тоненьким ручейком стекала кровь из ранки. Баки стёр её и облизал ладонь перед тем, как зажать сильнее, пока не успокоится. Ждать, что волчонок дойдёт до землянки, и что Стив поймет, пойдет на помощь, было глупо. Да и сколько от него, тонкого-звонкого, той помощи? Нужно пытаться идти самому — а значит, нужна крепкая рогатина и вся его сила, чтобы не выть от боли.

Напившись ледяной воды из ручья, Баки стиснул зубы, выдохнул и пополз вперёд, по дну оврага, ориентируясь по солнцу. От боли в глазах темнело, как ночью. Он не раз ходил тут зимой за козьим молоком, но весной всё становится другим. Да и думать не получалось — боль омывала тело, поднимаясь от щиколотки и расплываясь, и Баки едва ли чувствовал что-то кроме. Вместо мыслей был лишь жгущий огонь и режущий, накручивающий жилы нож.

Рогатина нашлась у самого начала оврага, где пологие склоны заросли прошлогодним сухим болеголовом. Солнце давно миновало зенит, тени стволов легли длинными черными полосами поперек пути, и Баки решил на передышку — попытался собрать рукой с влажных камней жалкие капли воды, чтобы смочить пересохшие губы. Хорошая, крепкая берёзовая ветка, не сухая, а сломанная последней бурей. Баки устал. Ползти на одной ноге и одной руке по грязи оказалось выматывающим, неподъёмным делом. Несколько раз он ложился, чтобы передохнуть и успокоить ногу, а сам думал, что вот ещё раз ляжет — и будет ждать смерти, потому что сил больше не было.

С рогатиной дело пошло лучше. Баки неуклюже поднялся, перехватил ветку и медленно заковылял, старательно не наступая на поврежденную ногу, высматривал и обходил все корни и кочки. Шаг за шагом, смотря на солнце и тени, надеясь, что уже скоро выйдет в подлесок, а там и до поляны рукой подать — и всё не узнавал места. Словно, свернув с собственных нахоженных троп, Баки попал совсем в другой лес, незнакомый и опасный, тревожно шелестящий над головой ещё голыми ветвями деревьев. Хорошо, что он не истекал кровью — её запах наверняка приманил бы множество хищного зверья.

<http://erolate.com/book/3459/83647>